

Сочинения по произведениям Ерофеев В.В.

Галоши

Галоши

В нашей семье давно хранятся подшивки так называемых толстых журналов. Мне стало интересно, что же в восьмидесятые годы печаталось в них. Я прочла несколько номеров “Юности” за 1987—1988 годы, и среди них обратила внимание на рассказ В. Ерофеева “Галоши”, на который и хочу сейчас написать рецензию.

Выбрала я этот рассказ не потому, что он произвел неизгладимое впечатление или же был очень прост. Наоборот, так до конца, наверное, я и не поняла автора, да и законченное мнение вряд ли сложилось. Вероятно, чем-то задело за живое это литературное произведение. Чем же? Что в нем необычного?

Необычное начинается с первых же слов. Повествование идет отрывочно, как в кинофильме, фрагментарно: взгляд автора направлен то на один аспект, то на другой, и между этими “кадрами” нет видимой связи, пока не просмотришь все (как в мексиканских телесериалах). Первое и второе предложения вроде бы и не связаны по смыслу. “Праздники кончились. Мальчик судорожно вцепился в пожарную лестницу”. В ребенка кидают камнями, и он летит спиной вниз. Так заканчивается первый абзац. Сердце сжимается. Ждешь трагедии. А дальше... речь идет о директоре школы, его “заигрывании” (как будто бы) с молодой учительницей начальных классов Зоей Николаевной. Но тут директор (кстати, именем его автор не наделяет) говорит Зое Николаевне (не как директор, а как мужчина!) про то, чтобы она не носила панталоны. Здесь же писатель дает понять, что, скорее всего, молодая учительница влюблена в директора. Повествование прерывается описанием появления рабочего, снимающего украшения с балкона квартиры. Но эта квартира не учительницы. И снова, как в кино, следующий кадр — учительница, беседующая с Изей Моисеевичем, учителем

литературы. Снова ее размышления о директоре, который, по-видимому, ненавидит ее, подсматривает, подслушивает за дверью. Это Зоя Николаевна рассуждает дома, всхлипывает, а братик младший, дразня, говорит, что она “втюрилась”.

А далее уже все идет гладко, по сюжету. Мальчик приходит в школу, его ребята бьют в раздевалке; торопясь, он быстро собирает все вывалившееся в портфель. Боясь опоздать на урок и не придумав ничего другого, он сует галоши в карманы брюк. Бежит мимо директора, влетает в класс, Зоя Николаевна замечает что-то торчащее из брюк, вынимает. Это оказываются галоши. Сначала начинает хохотать весь класс, а потом и сама учительница. Мальчик же в это время просит Господа помиловать всех. Зоя Николаевна понимает, что он святой. В это время появляется директор, вызывает педагога в коридор и предлагает ей... выйти за него замуж. “Зоя Николаевна слабо вскрикнула и полетела с пожарной лестницы спиной вниз”. Я не случайно так подробно пересказала сюжет, так как думаю, что данное произведение малоизвестное, а не зная, сложно беседовать. Итак, начало и конец рассказа почти дословно совпадают. Наверное, автор хотел подчеркнуть беззащитность героев в этой ситуации, их открытость и ранимость. Одна из проблем произведения — проблема взаимоотношений людей. Автор указывает на различные ее аспекты: директор и ученики, учителя и директор, мужчина и женщина, ученик и одноклассники.

Рассмотрим некоторые из них. Директор и ученики. Он ненавидел их, метил выше, но в силу обстоятельств (дело, вероятно, происходит в начале пятидесятых годов) оказался в школе. И особенно не любил таких “благополучных мальчиков, пахнувших детским мылом”, каким был главный герой. Ученики страшно боялись его.

Но директор, наверное, ненавидел и учителей. Дважды в коротком рассказе он произносит фразу “Вы у меня вот здесь, в кулаке”. Сталинский режим, в котором был воспитан этот военный служака, не задумывающийся при расстреле немцев, наложил отпечаток на него.

Во взаимоотношениях его с учителями прослеживается и другая проблема, так называемый еврейский вопрос. Директор не разрешает Изе Моисеевичу говорить об Эренбурге. Правда, автор, вероятно, эту проблему намечает лишь более яркой характеристикой времени и самого персонажа.

В рассказе писатель говорит о жестокости и доброте. Становится жутко, когда весь класс до упаду хохочет над первоклассником. Причем автор в двух словах называет судьбу многих детей, желая подчеркнуть, скорее всего, их разность, многообразие характеров, но общую бездуховность. Ни про одного он не скажет как о сердечном, отзывчивом человеке. И врач, и литератор, и убийца, и долгожительница — все смеются. Только над мальчиком Зоя Николаевна видит ниб. “Святой” будет любить всех и просить Бога о помиловании. Вероятно, эта идея добра, милосердия и покорила меня в этом рассказе больше всего. По-моему, в художественном отношении произведение несовершенно. Нет стройной системы образов. О директоре уже почти все сказано. Автор явно иронично относится к нему. Даже саркастически. Характеризуя директора, В. Ерофеев употребляет такие фразы: “директора мутило от детей”, он говорит о любви, “гоня... резкую вонь от мужского рта”. Но в то же время автор пишет о директоре, что он был “худенький... чернявенький, с еще молодым лицом”. Его любит героиня, которая явно симпатична писателю. И у директора нет имени, как и у мальчика. Это их сближает, а может, и противопоставляет, как Бога и сатану.

Зоя Николаевна обрисована автором иронично (“ее лицо ужасно поглупело”, “непедагогический смех”, история с панталонами). Но в общем она нравится писателю. Так, он говорит, что она “молоденькая”, всего стеснялась; сравнивает ее крик с “жалким криком раненой птицы” (правда, сравнение далеко не оригинальное). С явной лаской, сочувствием, добротой создает В. Ерофеев образ мальчика.

Мальчик не умеет грубить, хамить, драться. Он жалеет и любит всех, живет по законам Божьим. И этот первоклассник вызвал у меня много добрых чувств, задел за живое, заставил задуматься над взаимоотношениями моих сверстников. Рассказ Ерофеева, заостряющий внимание на нравственных проблемах, на мой взгляд, очень актуален в наше жестокое суровое время. Может быть, поэтому мне и захотелось написать о нем.